

Приступая к пересмотру проблемы генезиса пронии, Г. Г. Литаврин признает главным принципом, на основе которого происходило формирование данного института, условную собственность. Это совершенно правильно, только, по нашему мнению, автор напрасно противопоставляет два юридических понятия — право на доход и условную собственность. Ведь в Византии того времени права и привилегии являлись предметом купли-продажи.

В монографии собраны все конкретные факты о раздаче проний в болгарских провинциях. Подчеркивается, что пронии стали передаваться не только императором, но и магнатами; это приводило к созданию феодальной иерархии. Что касается этнического состава крупных землевладельцев, то, по мнению автора, в XII в. земли и пронии в болгарских провинциях империи предоставлялись в основном не болгарам, а грекам.

В четвертом разделе автор обстоятельно аргументирует выдвигаемое им положение, согласно которому собственные господские хозяйства духовных и светских феодалов в болгарских провинциях были весьма значительны; они испытывали большую нужду в рабочей силе; именно этим, по мнению автора, и объяснялась острая борьба за превращение крестьян в зависимых людей.

Не совсем ясно толкование автором вопроса о роли аренды в процессе превращения арендатора в зависимого крестьянина. Непонятно, каким образом земледелец, арендующий участок сроком на 25 лет, превращался в феодально-зависимого. С полной категоричностью судить о таком превращении можно лишь при условии, если априорно предположить, что, кроме этой земли, арендатор не может арендовать другой участок у другого землевладельца. Разумеется, в данном случае определенную роль могло играть только ростовщичество, но не аренда как таковая.

Пятый раздел книги посвящен категориям зависимого крестьянства. Следует отметить, что фактический материал, относящийся к этой теме, содержится не только здесь. Отдельные термины, касающиеся зависимого крестьянства, разбросаны и в других разделах (ипостатики — стр. 70; вопрос об *ενομοι* и париках, связанных с ними). Данный раздел является наиболее значительным по количеству конкретных данных и по числу новых толкований терминов. Он имеет особое значение для изучения внутренней истории Византии, которое тем более велико, что вопрос о правовом статусе различных прослоек сельского населения и о формах перехода из одной юридической категории в другую еще недостаточно разработан в литературе.

Некоторые положения автора вызывают возражения. Так, автор включает в одну и ту же группу крестьян: париков, не уплачивающих казне, авлитов, гипургов, гиперетов, дулевтов, актимонов, поселенцев — *ενομοι* — и «вольных» — *ελευθεροι*. Но можно ли относить к одной социальной категории только по признаку отсутствия самостоятельного хозяйства, не учитывая юридическое статуса лиц, о которых идет речь? При таком подходе перед историком возникает опасность симплификации: общество в его глазах теряет свой специфический социальный облик, определяющийся особенностями данной формации, и оказывается разделенным только на богатых и бедных. Особенно необходимо принимать во внимание юридический статус в исследованиях по истории докапиталистических классовых обществ, где юридический статус имел важное значение. Как указывал В. И. Ленин, в условиях крепостничества источником эксплуатации трудящихся являлась не только экономическая зависимость, но и сословное неравноправие. Пренебрежительное отношение к юридическим различиям, принятое у некоторых исследователей, по нашему мнению, является плодом известной модернизации. Если в эпоху капитализма юридические «права» и «свободы» являются фикциями, то этого нельзя сказать о докапиталистических формациях. Раб или не-раб, крепостной или не-крепостной, крестьянин или дворянин с его правами — все эти категории отнюдь не были фикцией; какими бы нищими не являлись римский люмпен-пролетарий, средневековый странствующий рыцарь или шляхтич из гололоты, каждый из них мог в той или иной степени реализовать свои «права», и, наоборот, как бы ни был зажаточен римский раб на пекулии или средневековый польский хлоп, его благосостояние могло быть легко уничтожено в силу его бесправия.

Много места уделяет автор анализу статуса элэфтеров. Нам кажется непонятным, однако, почему элэфтера нельзя отождествить с мистием? Слово элэфгер — буквально: «вольный» — нужно понимать именно как обозначение лица, принимающего работу по вольному найму. Какие же есть основания, чтобы признавать элэфтера лично-зависимым? Разумеется, в классовом обществе всякий трудящийся находится в приниженном положении, но это еще не говорит о его юридической зависимости, о том, что он подвергается законодательно оформленному внеэкономическому принуждению. Верно, конечно, что имения передавались с элэфтерами; но этот факт вовсе не означает, что они были прикреплены к данному имению или являлись собственностью данного лица. Смысл формулы «вместе с элэфтерами и рабами» заключался лишь в том, что имение передавалось «на полном ходу», обеспеченное рабочей силой, — это было особенно важно в то время, когда повсюду имел место недостаток в рабочей силе. То обстоятельство, что элэфтеров часто упоминают наряду с